

Мол, чтоб ему, родимому, пропасть!
Но, не сходя с насиженного кресла,
Веков с десяток отлистал бы вспять
И, наскребя латыни школьной крохи,
Рискнул бы по душам потолковать
С каким-нибудь поэтом той эпохи —
И вправду мрачной, — кто подозревал,
Что поздно родился иль слишком рано,
Что век совсем не подходящ для муз,
И все же пел Диону и Диану,
И *ver aspergit terram floribus*²,
И старый стих латинский понемногу
К средневековой рифме подвигал
И выводил на новую дорогу.

Я бы сказал: «Ты не был никому
Шутом, ни ж и Карлу самому;
Ответь мне, о глава Придворной школы,
Открой, как педагогу педагог, —
С Вергилием равняться ты не мог,
Но виноват ли в этом век тяжелый?»
Твой свет не проникнул глухую тьму;
Но та же тьма, храня, тебя скрывала.

Нет, ты на время не кивал нимало.
Ты понимал, что тот судья не прав,
Кто сам свою эпоху обвиняет,
Кто судит, выше времени не став.
Взять нынешних — они уж точно знают,